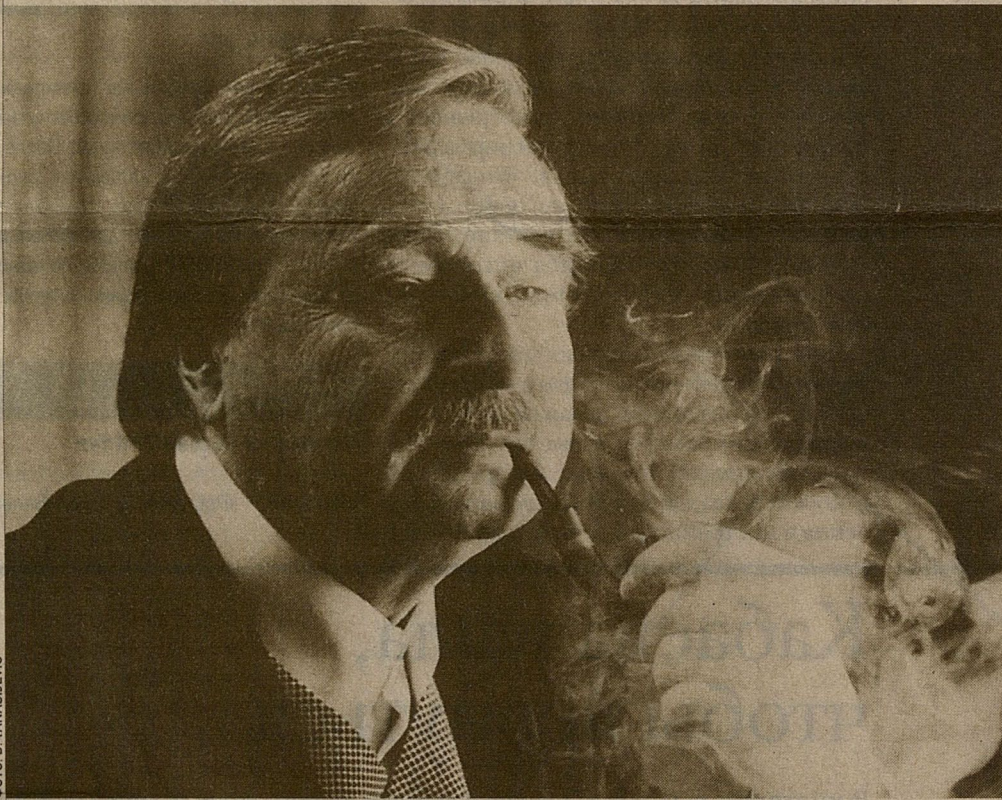

ПИСАТЕЛЬ **МИЛОРАД ПАВИЧ:**

*Известия - 2006 - 18
апр. - с. 12*

«Однажды меня едва не расстреляли»

Впервые на русском языке вышла книга классика современной литературы Милорада Павича «Уникальный роман». Автор знаменитых романа-лексикона («Хазарский словарь»), романа-кроссворда («Пейзаж, нарисованный чаем»), романа-клепсидры («Внутренняя сторона ветра») и на сей раз остался верен себе: он создал роман-дельту с сотней различных финалов. О гороскопах, трудностях перевода и цифровом формате с Милорадом Павичем побеседовала корреспондент «Известий» **Наталья Кочеткова.**

ИЗВЕСТИЯ: В автобиографии вы пишете, что «родились на берегах одной из четырех райских рек, в 8.30 утра, под знаком Весов (по асценду — Скорпион)». Верите в гороскопы?

МИЛОРАД ПАВИЧ: Спросите воду, влияют ли на нее звезды и Луна. Задайте этот же вопрос животным и растениям. Между прочим, я опубликовал роман под названием «Звездная мантия», который в России вышел в издательстве «Азбука». У него есть подзаголовок: «Астрологический путеводитель для непосвященных».

ИЗВЕСТИЯ: Насколько мне известно, один из ваших предков был писателем и в 1766 году опубликовал сборник стихотворений. Вы пытались о нем что-то разузнать?

ПАВИЧ: Его имя сохранилось в истории литературы. Он писал десятистопным стихом поэмы в стиле сербских народных песен. Этот размер в своих переводах из сербской народной поэзии использовал Пушкин. Поэта звали Эмерик Павич. Он жил в Буде и там же напечатал сборник своих стихов.

ИЗВЕСТИЯ: Он как-то повлиял на то, что вы стали писателем?

ПАВИЧ: Воспоминания о предках-писателях всегда придавали мне силы. Почти в каждом поколении нашей семьи есть писатели. Так что я продолжаю долгую семейную традицию. В книгу под названием «История, которая убила Эмилию Кнорр» я включил стихи Николы Павича — моего дяди по отцовской линии.

ИЗВЕСТИЯ: Ваше детство совпало с нацистской оккупацией Белграда. Ваше самое яркое впечатление этого периода?

ПАВИЧ: Однажды меня едва не расстреляли за то, что у меня, ученика средней школы, не было надлежащих документов. Немецкому патрулю было недостаточно моего ученического билета. И только благодаря настойчивости моего отца, который немного знал немецкий язык и сумел объяснить, в чем дело, меня отпустили. Мне было тогда пятнадцать лет. Несколько десятилетий спустя, во время поездки в Германию, я читал свои переводы в десяти германских городах. Книги имеют свою судьбу. Писатели — тоже. → **СТР. 10**

ПИСАТЕЛЬ **Милорад Павич:**

«Однажды меня едва не расстреляли»

ИЗВЕСТИЯ: Как случилось, что вы начали изучать русский язык?

Павич: Это произошло во время немецкой оккупации. Один белогвардеец, после эмиграции из России служивший в чине капитана во французском иностранном легионе, дал мне почитать на русском стихи Фета и Тютчева. Это было единственное, что он взял с собой из художественной литературы. Они были напечатаны на старом русском алфавите, которым пользовались до революции. Некоторые из них я помню наизусть до сих пор.

ИЗВЕСТИЯ: Вы переводили на сербский Пушкина. Что было сложнее всего?

Павич: Труднее всего было сохранить пушкинскую поэтичность и ритм его стиха. Я до сих пор недоволен некоторыми своими переводами, опубликованными в 1952 г. «Евгения Онегина» я перевел дважды. В первый раз я не закончил перевод, и только со второго раза мне удалось добиться желаемого уровня. С огромным удовольствием я переводил «Цыган» и «Домик в Коломне». Мои переводы Пушкина до сих пор переиздаются, и их читают в Сербии в рамках школьной программы. Встречаются и «пиратские» издания.

ИЗВЕСТИЯ: Вы писатель и одновременно литературовед. Одно другому не мешает?

Павич: Я занимался сербской литературой XVII, XVIII и XIX веков, и этому периоду посвящены мои учебники по истории сербской литературы: барокко, классицизм, предромантизм и символизм. Некоторых писателей того времени я считаю своими друзьями и очень благодарен им за эту дружбу. Особо я обязан сербским, русским, греческим и украинским церковным проповедникам периода барокко. У них я научился строить предложения, предназначенные для восприятия на слух, а не для чтения.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к своим подражателям?

Павич: Я считаю, что быть подражателем — пример не слишком счастливой судьбы в истории литературы. Каждый писатель должен найти свою дорогу, да и я сам не хотел бы подражать себе. Например, многие критики считали, что я после «Хазарского словаря» опять напишу нечто подобное. Но я этого не сделал. Для каждого нового романа я всегда придумывал какую-нибудь новую, ранее не использованную мной структуру. Таким образом возникли мои романы со структурой кроссворда, пособия для гадания на картах таро, клепсидры или роман с астрологическим путеводителем для непосвященных. Структура этих романов предлагает читателю большое количество дорог для прочтения. Этот же принцип я стремился использовать и в своих интерактивных драмах, которые исполняются на сценах России и других стран мира. Современная критика называет это нелинейным письмом, что, на мой взгляд и согласно моему опыту, иллюстрирует возможность человеческого ума превзойти компьютер, хотя бы в литературе. Компьютеры подсчитали, что некоторые мои книги можно прочитать миллионом способов. Когда я писал первые из этих книг, компьютерами еще не пользовались.

ИЗВЕСТИЯ: Вы фактически ввели в литературу Горана Петровича. Вы могли бы назвать его своим учеником?

Павич: Если вы прочтете книги Горана Петровича, то увидите, что он идет своей дорогой, и я в нем ценю именно его творческое начало.

ИЗВЕСТИЯ: В статье «Начало и конец романа» вы сравниваете литературу с

архитектурой. Эта мысль была близка акмеистам. Центральная метафора статьи Мандельштама «Утро акмеизма» — литература как зодчество. Вы имели в виду акмеистов, когда писали этот текст?

Павич: О теории здесь нет и речи. Мне хотелось, чтобы читатель смог «прожить» в моем романе пятнадцать дней и получить в нем полный пансион за умеренную цену. Вообще в мои романы, как в дом, можно войти с разных сторон. В них несколько входов и выходов. Речь идет, таким образом, о литературной практике.

ИЗВЕСТИЯ: С этой точки зрения «Уникальный роман» построен иначе. Это романдельта, у которого одно начало и 100 финалов. Вы изменили своей первоначальной концепции?

Павич: Я не сказал бы, что в «Уникальном романе» я отошел от своих прежних концепций. Я давно пытался поставить под вопрос и начало, и конец романа. «Уникальный роман» — это классический детективный роман, перевернутый с ног на голову. Иными словами, каждому читателю известно, кто убийца, но этого не знают ни суд, ни следователь, который ищет убийцу. Он погибает, так и не узнав, кто убийца и кто убьет его самого. Я придал обычному криминальному роману с любовной интригой сто вариантов финала.

ИЗВЕСТИЯ: У каждой главы свой аромат: Kenzo, Old Spice, Poison и т.д. Какова их роль?

Павич: У моей супруги, писателя Ясины Михайлович, есть одно произведение, которое называется «Автобиография в запахах». В моем романе запахи играют ключевую роль, поскольку именно они позволяют идентифицировать главных героев. Разве то же самое не случается и в жизни, хотя писатели это редко замечают?

ИЗВЕСТИЯ: Вам не кажется, что культура книги наряду с традиционной культурой XX века ушла в прошлое, а на смену пришло нечто принципиально иное? Может быть, в вашей ситуации гораздо уместнее и удобнее выпускать интерактивные книги в электронном виде?

Павич: Я старался написать книги, которые можно читать классическим способом, т.е. от начала до конца, но которые вместе с тем обладают энергией, дающей возможность читателям самим выбрать направление. Нелинейная литература удобна для цифрового формата, т.е. для электронной книги. В прошлом году в Швеции опубликовали «Хазарский словарь» в виде электронной книги, и, кроме сербского оригинала, в ней содержится текст романа, переведенный на английский, греческий, турецкий языки и иврит.

ИЗВЕСТИЯ: Вы часто обращаетесь к мифологии и фольклору. Как вы думаете, какое место занимает миф в современном обществе и что это за миф?

Павич: Миф непрерывно создается вновь и вновь. Например, кино в XX веке создало собственную мифологию. Мифологические концепции времен античности после того, как человек побывал на Луне и во Вселенной, не могут оставаться неизменными. Ежедневно вокруг нас возникает и умирает бесчисленное количество небольших мифов, которые иногда называют «брендами». Это мифы одноразового использования.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к тому, что критики называют вас «первым автором XXI столетия»?

Павич: Все мы, те, кто сейчас пишет, являемся писателями XXI века.